

АВТАНДИЛ ГУРГЕНОВ

ЯЫ

НА

МЕСТЕ

РЕМАРКА

Автандил Гургенов

Я бы на месте Ремарка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=47420050

ISBN 9785005056115

Аннотация

Сборник более или менее правдивых, а оттого дурацких рассказов, оформленных в формате физического, а не цифрового, как сейчас принято, артефакта. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Археология	5
Монашеская пещера	8
Режим	11
Раскоп	14
Аммонит	19
Ниндзя	23
Одесса	30
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Я бы на месте Ремарка

Автандил Гургенов

© Автандил Гургенов, 2019

ISBN 978-5-0050-5611-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Археология

Аммониты – это такие моллюски были. Вымерли вроде вместе с динозаврами, но, в отличие от динозавров, их останки очень просто найти: во многих горных реках, на пляжах да и просто в старых валунах отпечатаны их раковины. Да их почти все видели, просто не все знают, что этим отпечаткам по 65 миллионов лет. У меня такой был.

Толик, распиздяй широкого профиля – человек, последовательно работавший (если ему верить, конечно) барменом, археологом, сеошником, генеральным директором, а потом послушником в монастыре, – рассказал, что есть неплохой вариант бюджетно провести отпуск: для этого нужно было вписаться в археологическую экспедицию. В частности, он рассказывал об экспедиции в Губском ущелье (думаю, там уже все раскопали и диссеры написали), что в Адыгее. Сам Толик в ней уже бывал, но у него что-то не срослось с руководителем экспедиции, и больше сам он туда ехать не хотел, но саму поездку рекомендовал.

Девушка Толика тогда работала в Институте археологии, а руководителька экспедиции была ее научником. Я пришел в институт, пять минут поговорил с начальницей, не помню о чем, а через пару дней мне пришло письмо с темой

«Инструкция Губсианам». От такого самоназвания я слегка прихуел, но ладно, в конце концов, мне обещали там бесплатный проезд, проживание, питание и пару тысяч зарплаты по ставке чернорабочего – экономнее любой поездки на отдых, тем более что денег на альтернативные варианты все равно не было.

В Губском ущелье они тогда копали стоянку древнего человека. Базовый лагерь был в Монашеской пещере, это достаточно известное туристическое место, но, как правило, там стоят археологи – туристы, бывает, заходят, крутят жалами, понимают, что место занято, и валят куда-нибудь еще. Сам раскоп был в паре километров от нее.

Жизнь в экспедиции описывалась в самых радужных тонах: «Пару часов в день работаешь, – говорил Толик, – ну там дежурство, надо готовить, это на весь день, конечно. Дрова там, еда. С раскопа можно сходить погулять, а вечером все сидят у костра и бухают!» Мне это все очень нравилось, хотя это описание было каким-то слишком уж хорошим, чтобы быть правдой. На вопрос, почему бы не поехать вместе, Толик говорил, что поругался с начальством и вообще он уже опытный археолог и поедет на другие раскопки каким-то начальником, там и зарплата больше, и виды лучше, и вообще Губская экспедиция лоховская, но для набора опыта нужная.

Ну окей. Подробности пути до станции, от которой нас забрали, – я ехал со своей тогдашней девушкой Таней, – описывать смысла нет. Ну до Армавира, поезд прибывает в десять вечера, ночевать негде, все нормально. Ну пешочком до автовокзала, автобус в семь утра, движение – жизнь, как говорится. Сами идиоты. Где-то в районе Лабинска (а может, и нет, не помню) нас нашли и повезли на стоянку.

Монашеская пещера

Мы приехали около часа дня. На стоянке в тот момент были только дежурные: молодой парень и какая-то девушка. Парень мучительно соображал, как ему приготовить ужин. Меню составлялось каждое утро начальником экспедиции (она была на основном раскопе), состояло из двух-трех блюд (первое, второе, чай, десерт – по способностям), и на сегодня там должен был быть борщ. И вот он вскипятил ведро воды и втыкал, как из него сделать ведро борща.

В целом я социопат и мизантроп, но в нужные моменты включаю Дейла Карнеги и могу, так сказать, деятельно произвести впечатление. Короче, обедужин я приготовил за дежурных. Ничего сложного: борщ, макароны с тушенкой, ну и сладкие кабачковые оладьи – типа на десерт. Так что когда вечером прочие экспедиционеры вернулись с работы, их ждал приличный ужин – на что они, как позже признались, не рассчитывали. Поэтому с первого же дня начальница экспедиции Елена восприняла нас как полноправных членов команды. В конце концов, послойно снимать грунт, а потом искать в нем остатки деятельности древних людей не то чтобы сильно сложно, но вкусно готовить жрать в ведре на 15 человек – это уметь надо.

После ужина, за кружечкой чая, меня ждало самое страшное открытие: на стоянке сухой закон. Не то чтобы прямо пить нельзя, но нечего. Первым моим желанием было сразу же позвонить Толику и рассказать ему, что он лживая лохматая гнида, но связи под скалой не было (чуть позже, освоившись, в паре километров от стоянки мы нашли холм, где можно было набрать СМС, нажать отправку и подкинуть телефон повыше – раза с третьего СМС отправлялось; видимо, роза ветров подходящая). Поэтому я забрал с собой Таню и бутылку джина из НЗ, и мы ее печально приговорили под неодобрительное молчание прочих членов экспедиции.

Сама Монашеская пещера была вырублена в скале. Чтобы добраться до нее, надо было подняться метров 50 по склону, а потом еще метров 100 вдоль склона. Стоянка выглядела примерно так: в дальнем конце, если смотреть от тропинки снизу, находилась маленькая пещера с продуктами, зато продуктов было много: консервы, крупы, овощи. Метрах в пяти от пещеры-кладовой был оборудован большой очаг, выложенный камнями, с решеткой сверху. На нем можно было готовить три блюда одновременно, чем я во время дежурств пользовался. Еще в пяти метрах перпендикулярно входу располагались пещера и раскоп. Раскоп был левее тропинки, и его откопали еще самые первые археологи, полагавшие, что они там что-то найдут. Прокопав метра полтора, они поняли, что ничего интересного там нету, так как

Монашеской пещеру называли не просто так – монахи, жившие в ней несколько позже неандертальцев (или эректусов, не помню), все вычистили. Справа располагалась собственно Монашеская пещера.

Выглядела она впечатляюще: в глубину около десяти метров, в высоту от четырех до двух метров, со стенами, напоминающими пищевод большого животного. Возле входа валялись вещи археологов, а в самой глубине – там было что-то около 15 градусов при 40 на солнце – разные скоропортящиеся продукты. То есть если была пещера-кладовая, задняя часть Монашеской пещеры была конкретно холодильником. Как рассказали позже, то, что я принял за внутренности пищевода, было на самом деле перегородками между кельями: копать от светильников и остатки перегородок и создавали иллюзию чего-то биологического. Монахи копали эту пещеру несколько десятков, если не сотен, лет голыми руками.

Режим

Режим в экспедиции был в известном смысле стандартный: пять дней работаем на раскопе, шестой день как в армии – разная хозяйственная деятельность, воскресенье – личное время. Мы приехали вечером в пятницу, поэтому на следующий день было решено сменить режим: сделать сегодня личное время, а в воскресенье – ПХД. Все желающие – человек 10 из 15 – отправились показывать нам с Таней окрестности, двое дежурных и начальница остались на стоянке. Из участников я почти никого не помню: в основном экспедиция состояла из душных баб после 30. Из общего ряда выбивались Гриша – парень хороший, но молодой и туповатый, как раз за него я готовил обед, Константин Константинович – распиздяй вроде Толика, но с немного другими склонностями, и Маша (имя условное, тоже не помню). Маша отличалась от прочих баб тем, что ей было лет 16, она заканчивала школу, и у нее были во-от такие сиськи, отчего в нее были влюблены Гриша и Константин Константинович, а я просто размышлял, что было бы неплохо ей вдуть, но вида не показывал.

Гриша мне не нравился. По приезде я его не раскусил и подумал, что его непосредственность – это такое личностное качество. Во время шатания по лесам и горам я понял,

что он просто мелкий долбоеб без чувства самосохранения. Константин Константинович мне, наоборот, понравился. Он все время молчал, периодически подбирал какую-то херь из-под ног и складывал ее к себе в рюкзак. Оба они пытались произвести впечатление на Машу, а Маша, понимая, что со своими сиськами (подозреваю, что за прошедшие годы она превратилась в отборнейшую стерву) уделывает всех местных телок, выебывалась. Мне было тяжелее всех: во-первых, я прикидывал, что делать с алкоголем – джин выпили вчера, на прогулку взяли пакет вина, и в заначке оставалась еще бутылка рома, – но этого, очевидно, было слишком мало на три недели. Во-вторых, общаться с Гришей не имело смысла, с Константином Константиновичем не было возможности, и наладить контакт с аборигенами можно было только через Машу, но разговаривать с Машей было нельзя, потому что Таня расчленяла меня взглядом каждый раз, когда я смотрел куда-то в направлении, где предположительно могла бы находиться Маша.

Константин Константинович был в этой тусовке самым колоритным. Он был худой, лохматый, в очках где-то на шесть диоптрий, прикинут в олдскульный туристический костюм (брзент, шерсть, олени, говно) и носил с собой убитый советский рюкзак, который никогда не был пустым. Ради интереса я этот рюкзак как-то пнул и понял, что он забит чем-то компактным, но достаточно тяжелым.

Через два дня, в понедельник, мы пошли на раскоп. Чтобы попасть туда, нужно было:

- спуститься с горы с Монашеской пещерой;
- пройти пару сотен метров до развилки;
- свернуть и пройти метров 300 по лесу;
- еще раз свернуть и идти вдоль русла Губса;
- пройти метров 500 по лесу;
- подняться в гору к раскопу.

В общей сложности дорога занимала около 30 минут, но один я проходил ее минут за 15—20.

Раскоп находился в гораздо менее привлекательной пещере. Она была большая и заброшенная, в дальней ее части валялись инструменты, сломанные лотки и мешки. Мусора не было, его каждый день забирали с собой, но все равно выглядела она – хотя это и неудивительно – менее впечатляюще, чем Монашеская.

Раскоп

Работа на раскопе была простой, но довольно нудной. Всего операций было пять: снятие грунта, просев грунта, промывка грунта, сушка, сортировка.

Съем слоев грунта из раскопа – примерно двухметровой ямы. Дно ямы разбито на сетку, каждая ячейка как-то обозначена. Обозначение записывает начальник экспедиции или ее зам в специальную тетрабочку. Гробокопатель аккуратно ковыряет землю строительным мастерком, окапывая попадающиеся камни, потому что это могут быть какие-нибудь не просто камни. Все предметы, потенциально представляющие хоть какую-то ценность, помечаются цветными кнопками с номерами. Там была даже цветовая кодировка: условно, белая кнопка значит «кость» или «зуб», синяя – какой-то необычный камень, например, кремь (который, скорее всего, осколок какого-то орудия), красный – что-то значимое, например, целый зуб или целый наконечник стрелы. Положение этих меток тоже записывается.

Глубина ямы промеряется с помощью нивелира. Конечной стадией развития раскопа является «материк» – это базальтовая плита, ниже которой копать уже нельзя, потому что грунт кончился. Экспедиции занимают несколько лет,

и их руководители сидят на них долго. Чернорабочим вроде меня хорошо: приехал по приколу, свежий воздух и необычная деятельность. А руководитель десять лет все лето ковыряется в яме с каким-то говном, чтобы на основании анализа этого говна защитить диссер. Года через три всем очень хочется наконец-то докопаться до материка, но все знают, что он может наступить и прямо сейчас (маловероятно), и лет через пять (возможно), и лет через 10—15 (здесь у руководителя начинает дергаться глаз). Поэтому «материк» – одно из сакральных понятий экспедиции. Когда-то точно будет, но когда – непонятно.

Весь грунт, соскобленный в яме (включая камни), извлекается из раскопа. Грунт просеивается на специальных лотках – рамах с металлической сеткой. С лотка удаляются очевидные камни. Крупные куски костей и камни, похожие на кремь, раскладываются по отдельным пакетикам с зип-локами. Вообще кремь достаточно ценный артефакт в любом случае – все куски документируются, так как с вероятностью 99% это осколок какого-то топора. Специальный человек – трасолог, у нас она как раз и зарисовывала всю фигу на раскопе, – по характеру трещин на кремне определяет, откуда его отковыряли и что им делали. Просеянный грунт складывается в полипропиленовые мешки с плетеной структурой – это важно для следующей операции – промывки.

Плотно набитые мешки кладутся в реку и после этого долго и мучительно полощутся до исчезновения всех растворимых фракций.

Потом мешки относятся в лагерь. За день делается две или три ходки. Первая часов в 12, вторая около 4, и еще несколько мешков прихватывают при возвращении группы на ужин. В лагере мешки раскладываются для сушки, на следующий день их вытряхивают на стол, и с помощью деревянных палочек (использовались кулинарные шпажки или зубочистки) все мелкие предметы проверяются. Песок и мелкие камушки (не считая кремня) выбрасываются, а в остальном ищут всякое. Как правило, это совсем мелкие осколки кремня, ракушки или осколки костей. Праздник наступает, когда удастся найти нечто целое, например, зуб какого-нибудь древнего грызуна.

Самая же частая находка – это ракушки улиток *Helix*. Этих хеликсов на раскопе хоть жопой жуй, и, судя по всему, губские неандертальцы так и делали. В раскопе нашелся слой примерно в кубометр, состоящий исключительно из целых раковин. Все раковины документируются. Когда я впервые пришел в институт, все стеллажи по периметру комнаты (а она была довольно большой) до потолка были заставлены коробками. В основном там и лежат хеликсы. Зимой, когда анализируются находки, все это документируется, каж-

дая раковина зарисовывается, а каждая царапина на раковине фиксируется. Адски муторная работа, на основании которой делаются некие выводы. Скорее всего, вывод там примерно такой: «Анализ останков показывает, что основой рациона неандертальцев в Губском ущелье были улитки, что подтверждают три тысячи коробок с их раковинами, см. таблицу». Научный метод.

Я занимался в основном промывкой. Пещера находилась высоко на склоне, поэтому мешки нужно было отнести к реке. Когда они заполнены землей, все это весит килограммов 40, поэтому дамы этим не занимались. Ну а кто нес – тот и моет, чтобы туда-сюда не бегать. Я перепробовал все виды работ, и промывка мне нравилась больше всего: сидишь один, полощешь мешок, речка течет. На раскопе все занимались всякими интеллектуальными играми типа какой-то версии «Контакта» – один раз поучаствовав, я понял, что предпочитаю мытье грунта всему остальному: археологини настолько специфичные женщины, что проводить с ними значительную часть времени совершенно не хотелось.

У меня была специальная метода. Сначала я скидывал два-три мешка в небольшую заводь. Потом долго топтался на них. Потом доставал один и разминал в воде руками. Потом другой. Потом еще топтался. Потом кидал полупромытые мешки в другую заводь с интенсивным течением, что-

бы земля вымывалась автоматически, и топтался по новой партии мешков. Потом доставал из второй заводи мешки и промывал руками. В общем, всю последовательность действий описывать долго, занимала она около часа, но на выходе из двухкилограммового мешка получался мешочек с камушками граммов на 100—200.

Разумеется, я не все время топтался по мешкам, а иногда прогуливался по реке. И метрах в 50 выше по течению нашел большую плиту с аммонитами.

АММОНИТ

Константин Константинович на раскопе не работал. Вернее, он пару раз туда заходил, но ничего особенного не делал. Большую часть времени он шараялся по окрестностям и занимался хер пойми чем, но претензий к нему не было, уж не знаю почему. То ли его воспринимали как какого-то блаженного, то ли он выполнял какую-то важную, но непонятную мне функцию. Однако же каждое утро на раскоп он приходил с нами, потом куда-то уходил и иногда возвращался.

Как-то раз я полоскал мешки, и появился Константин. К этому моменту я точно знал, что он собирает аммониты, поэтому предложил ему посмотреть на те, что выше по течению. Мы туда поднялись, он их рассмотрел и сказал, что это отстойные, лоховские аммониты, не представляющие ни научной, ни какой-либо еще ценности. Тогда я попросил вырубить мне один такой на память. Константин достал геологический молоток и минут за пять выколотил мне кусок с отпечатком раковины, после чего упиздил в неизвестном направлении, а я пошел дальше полоскать мешки.

Впрочем, сувенир остался со мной ненадолго.

Чтобы дойти до лагеря, нужно миновать участок около 300 метров, идущий параллельно реке. По этому же участку местные гоняют коров на пастбище: после этого участка, чтобы дойти до раскопа, нужно свернуть направо, а на пастбище – налево. О том, что коровы там есть, я знал по следам, но вот в какое время они ходят, было неизвестно. Как и говорилось выше, я проходил в лагерь около полудня, но после того как Константин дал мне аммонит, мне захотелось добраться до лагеря побыстрее и приныкать камень в рюкзак.

Отойдя от грунтопромывочного участка, я за пять минут прошел через небольшую рощицу и вышел к тропинке. Левую руку я держал в кармане – аммонит мне очень нравился, но рассматривать его на ходу было неудобно, поэтому я гладил его в кармане. Выйдя на тропинку, я еще не увидел, только почувствовал, что что-то не так. Сделав несколько шагов, я понял, в чем дело. Метров с 15 на меня пырились две коровы морды.

Я притормозил. Коровы занимали всю тропинку, с одной стороны был обрыв (низкий, но тем не менее), с другой – лес. Коровы медленно шли на меня, а я думал, куда идти дальше. На всякий случай я решил отступить обратно в лес и пропустить их – развернулся и пошел назад. Через секунду я услышал рев.

Тут, собственно, все происходит примерно за пять секунд, описывать это гораздо дольше.

Первая: на ходу оборачиваюсь на рев.

Вторая: вижу, как между первыми двумя коровьими мордами появляется рыло существа, благодаря кольцу в носу мгновенно распознающееся как «блять, бык!».

Третья: непонятно как я уже преодолел пятиметровое русло и ищу место для подъема на другой берег.

Четвертая: оборачиваясь на топот, вижу, что ебаная рогатая тварь до меня уже почти добежала, поэтому я не глядя кидаю в морду мой чудом обретенный кусок древнего камня.

Пятая: стою в полутора метрах над охуевающим в сухом русле быком.

– Еб твою мать! – произношу я, понимая, что тут бычаре не подняться.

– Еб вашу мать! – добавляю, глядя, как оставшиеся четыре коровы с интересом рассматривают эту адыгейскую корриду.

Берег, на который я забрался, вымыт полноводной версией Губса, потому что там небольшой поворот. Поэтому от нынешнего русла до гребня метра полтора, они заросли всякой местной флорой, и там, вообще-то, никто не ходит. Не то чтобы прямо непроходимые заросли, но на ходьбу они

не рассчитаны, а склон круто уходит выше. Собственно, я находился на нижней кромке склона горы, в которой и расположена Монашеская пещера, просто на противоположной стороне.

Дальше я шел с коровьим эскортом. Я кое-как прорывался через бурелом, надеясь не упасть, ниже меня с криками «МУУ, блять!!!» трусил бык, на некотором отдалении от него шли коровы, периодически отвлекаясь на объедание лопухов с противоположного берега.

Когда впереди появилась дорога, я забрался повыше, чтобы срезать по склону. Бык орал что-то типа: «Мы еще встретимся, блять! Думаешь, поимел меня? Спускайся, умри как мужчина!» Но человек, как ни крути, венец творения. Мне удалось скрыться в деревьях так, чтобы до бычары не дошло, куда идти дальше. К лагерю я вышел с необычной стороны – со склона, противоположного входу. Стараясь не акцентировать внимания дежурных на своих трясущихся руках, начал раскладывать мешки для просушки.

Больше путь в лагерь раньше половины первого я не начинал. Несколько раз пытался найти аммонит в реке, но он отскочил по какой-то странной траектории, а новый вырубать мне не хотелось – Константин Константинович вскоре уехал, да и жалко – все-таки древность.

Ниндзя

Все эти бесконтактные пластиковые карты ужасно бесят. Придет какой-нибудь мудака на кассу в магазине и давай эту свою штуку к терминалу прикладывать. А терминалы работают через раз, поэтому все это происходит так: тык-тык – не сработало, перезагрузили терминал, тык-тык-тык – снова не сработало, снова перезагрузили, тык-тык-тык, бздынь, прошло. В итоге можно было карту десять раз вставить, пока этот идущий в ногу со временем пидарас пластик прикладывал.

Или еще мода появилась на вокзалах: там тоже терминалы, они стоят у кассиров в будке, и они, когда видят карту, начинают ее прижимать к стеклу. Типа прикладывай. А за этими стеклами, несмотря на микрофоны, никуда не слышно и непонятно, в итоге приходится разыгрывать пантомиму «У меня, блять, олдскульный пластик, он вставляется, не надо мне эту хуйню к стеклу прикладывать». В общем, хуйня этот ваш прогресс.

Тем не менее однажды с бесконтактной картой у меня все получилось.

Как всякий алкоголик, иногда я допиваюсь до полного

отрубона и потери реальности. То есть сначала пили-пили, а потом хуяк – просыпаешься утром и думаешь: кто я, где я и какого хуя здесь делаю. Ну знакомая ситуация, у всех было.

Сложность в том, что эти мои амнезии (они же блэкауты) бывают трех видов:

– Автопилот. Лампочка выключается, и я непонятно каким образом добираюсь до дома, падаю в кровать и сплю до утра. Свидетели утверждают, что я даже способен осмысленно разговаривать на несложные темы и в целом понять, что фунциклирует только физическая оболочка, а сознание отъехало в астрал, – сложно. Это самое простое и сравнительно безобидное.

– Берсерк. Тут лампочка работает в стробоскопическом режиме, и иногда я обнаруживаю, что с кем-то дерусь, усиленно на это напрашиваюсь или уже получил пизды. Доводилось, например, закошмаривать до трех десятков человек под предлогом «А ну иди сюда, тебе пиздец!». Что характерно, рисковать, как правило, желающих не находится, а я, вспоминая все это, мучаюсь стыдливой паранойей. Самое худшее, потому что очень уж опасно – а ну как кто-нибудь не засыт, бывало и такое.

– Ниндзя, воин-тень. Это промежуточный вариант, самый интересный. Когда мне пару раз удавалось застать это состояние в сознании, ход мысли был примерно такой: разговаривать со мной уже неинтересно, так как я в основном мычу,

при этом с людьми, с которыми я пил до этого, разговаривать мне и самому не хочется, потому что они тоже в говно и мычат. Но, как правило, их прибывает на благородные поступки, в частности, проводить меня там до транспорта, посадить в такси или дотащить до дома. Это категорически неприемлемо, и появляется Ниндзя. Ниндзя умеет растворяться в пространстве.

Однажды Ниндзя взял контроль над моим телом, и я пропал посреди Трубной площади, прямо под обелиском. Как мне рассказывали потом удивленные собутыльники, они отвернулись примерно на секунду – за это время я куда-то испарился и нашелся уже утром дома. В другой раз приходит Ниндзя я не заметил. На выставке холодного оружия, когда я упал, собираясь подойти и дать пизды какому-то казачку с саблями, высокий ареопаг собутыльников решил, что с меня хватит. Поэтому конвоировать меня отрядили самого здорового – Сашу-крановщика (в смысле он работал крановщиком). Как признался через десять минут пораженный крановщик, мы вышли из павильона, он отвернулся, чтобы закурить, а когда повернулся, меня уже не было. Некоторое время он шатался возле входа, а я уже сидел в автобус до трех вокзалов – тогда красную ветку ремонтировали. Обнаружил себя я уже в каком-то кабаке рядом с вокзалом, совершенно не понимая, почему закрывал глаза я в павильоне с ножами, а открыл уже за столом, на котором стоят пиво с водкой.

Только через неделю напряженных размышлений я понял, что в кабаке вывалился непосредственно из автобуса от Сокольников.

В общем, у меня как-то получается пропадать. Иногда мне кажется, что это что-то вроде магии, своеобразный отвод глаз. В «Сказках темного леса» описывается чувак по имени Тень. Хотя он был на порядки круче, но у меня похожий навык.

Однажды мне надоело пить в компании и я решил ехать домой. Как раз по дороге до метро со мной приключился блэкаут, в котором меня навестил Ниндзя. Я сидел на остановке, пытаюсь понять, что я тут делаю, если изначально шел к метро, а оно, вообще-то, совершенно в другой стороне, и до него пара километров. Рядом образовался какой-то тип, стрельнул у меня сигарету и попытался заговорить. Я пару раз ответил, но потом мне надоело, и я пожелал, чтобы либо он исчез, либо я спрятался, в общем, что угодно, лишь бы с ним не контактировать. Пока я обдумывал, как это сделать наилучшим образом, пришел Ниндзя. Я прикрыл глаза, а когда открыл их – я был уже на другой остановке, рядом с метро. Под ногами у меня валялась пластиковая карта. На всякий случай я сунул ее в карман, потому что она была с таким же дизайном, как и моя – я подумал, что ее выронил. Очнулся я уже утром дома.

Подергиваясь, я дошел до холодильника – иногда по утрам там оказывается пиво. Не то чтобы часто, но, случается, иногда Автопилот его покупает по пути на аэродром. Берсерк так вообще никогда не делает. Ниндзя тоже, бывает, покупает чего-нибудь наутро, но я на него не слишком рассчитываю.

Так вот, в холодильнике обнаружилась початая бутылка «Баллантайнс». Это меня смутило, и на то есть несколько причин:

– В том состоянии, в котором я пребывал вчера, я бы взял пива или вина.

– Если бы я брал что-то крепкое, я бы взял водку. Потому что никакого букета бы все равно не почувствовал, такие простые вещи я даже в полном изумлении осознаю.

– Если уж я бы брал виски, я бы взял какого-нибудь дешевого говна. Потому что, во-первых, см. предыдущий пункт, а во-вторых, меня давит жаба – я в целом считаю виски переоцененным напитком.

– Ну и, наконец, «Баллантайнс» – это слишком круто для Атоса, но какая-то херня для графа де ля Фер. Иначе говоря, если бы я брал виски, я бы сразу взял «Блэк Лейбл» или «Джек Дэниелс» исключительно из склонности к дурацким понтам.

В общем, это было загадочно. Что-то не сходилось. Я остограммлился и начал думать.

Первым делом я решил почитать сообщения из банка – там обычно пишут. Ситуация упрощалась тем, что я точно знал: вчера наличных у меня не было. Однако банк озадачил еще больше: там было написано, что я купил водки (помню), потом пива (тоже помню), потом еще пива (и это помню). Других записей нет. Но где я тогда взял виски?

Тут я вспомнил, что неподалеку от метро был магазин известной сети алкомаркетов. Очевидно, что виски я взял именно там. В принципе, Берсерк забрал бы ее так, Ниндзя бы спиздил, но в обоих случаях с высокой вероятностью я бы очнулся не дома, а в обезьяннике. Так что виски я приобрел на законных основаниях, непонятно только как.

Осмотрел карманы. Почему-то у меня было две одинаковых с виду банковских карты. Только на одной было мое имя, а на другой надпись VASILY BUBLIKOV. Тут все встало на свои места.

После того как я поднял с земли банковскую карту, управление перешло к Ниндзя. Он рассудил, что уже вечер, около 11, а потому брать надо сейчас, и поперся в алкомаркет. Там Ниндзя решил не оставлять следов. А что для этого нужно?

Правильно, не платить своей картой. Он нашел пошла в пределах тысячи рублей (там как раз была акция – ноль-пять «Баллантайнс» за тысячу), прихватил на утро бутылку и расплатился бесконтактной картой этого Бубликова. Я только не знаю, был ли этот Бубликов тем чуваком, который стрельнул у меня сигарету или я просто нашел чью-то карту, но тем не менее оплата в пределах тысячи не требует набора пинкода, и я это знаю, а раз знаю я – знает и Ниндзя. А уж он-то нашел способ максимально эффективно ею распорядиться.

Я эту бесконтактную тысячу даже не украл. Потому что нет слова «спиздили», есть слово «проебал».

Отметив, что не все мозги еще пропил, я выпил еще за здоровье Василия Бубликова. Экспериментировать с картой дальше я не стал, потому что если Василий не полный долбоеб, к моменту описываемых событий он уже должен был ее заблокировать, а лишний раз с ней светиться не хотелось. В общем, карта у меня и сейчас лежит. Как выяснилось, и от бесконтактных карт бывает какая-то польза. Хотя все равно бесит.

Одесса

Летним вечером мы с Вадимом Эдуардовичем напивались у фонтана возле цирка на Вернадского.

– А я завтра поеду в Одессу, – сообщил Вадим Эдуардович после того, как мы допили первую бутылку. – У меня там родственники.

– Откуда у тебя родственники в Одессе?

– Хуй знает, не повезло.

– Что плохого в одесских родственниках?

– Жиды, блять, потому что. А я русский фашист, блять.

И они меня туда заставляют ездить, потому что тетя Циля, блять, скучает. Ебал я эту Одессу, и тетю Цилю, и родственников этих сраных.

Я открыл вторую и понимающе налил еще по одной.

– И хуле мне там делать, я не знаю, потому что знакомых у меня там давно уже нет, а еду я с теткой. Придется там ходить трезвым и кушать. Ну хоть отожрись.

– Слушай, чувак. У меня с понедельника отпуск, но я в душе не ебу, как его проводить и что делать. Можно я с тобой съезжу?

– Пиздишь ты, никуда ты не поедешь.

– Поеду, куплю билет и поеду.

Мы выпили.

– Тогда все ништяк, поехали.

– А тетка, родственники против не будут?

– Пошли они на хуй все.

Следующим утром мы пили пиво на Киевском вокзале. Откуда у меня взялся билет – не помню. Очевидно, купил, но вот где и как? Зато с пивом была полная определенность: в соседнем ларьке я купил ящик и забил им рюкзак, все равно вещей я с собой почти не вожу.

Пришла какая-то женщина.

– Это Мария, – сказал Вадим Эдуардович. – Моя тетка.

Мы поздоровались, тетка оглядела меня подозрительно.

– Не рано с утра-то? – сварливо поинтересовалась она.

– Блять, Маша, – ответил Вадим Эдуардович. – Можно благородным донам похмелиться?

Мария отошла от нас на пару метров, к ней подошли две пожилые женщины, оглядели нас издалека, но подходить не стали.

– Жидовские морды. – прокомментировал Вадим Эдуардович. – Вот эта – двоюродная тетка, а вот та – это какая-то их подруга.

Мы погрузились в поезд и начали квасить. Ехали мы в разных вагонах, поэтому, чтобы не раздражать родственниц, пи-

ли в моем.

– На вокзале найдешь какого-нибудь мудака, – объяснял Вадим Эдуардович, – они там квартиры сдают. Снимешь чего-нибудь, а потом сориентируемся.

– А как мы с тобой пересекаться будем?

– Я не знаю нашего адреса, давно не был. Просто мы поедем, ты снимешь квартиру, потом созвонимся, ну и так далее.

После обеда, когда мы впали в прострацию, за ним пришли родственницы и унесли его в свой вагон.

На вокзале в Одессе было шумно, и это было невыносимо. Я нашел Вадима Эдуардовича с его тетками. Вид у него был понурый, у меня, подозреваю, тоже.

– Куда дальше?

– Мальчики, квартира нужна? – подошла какая-то тетка.

– Ему нужна, – Вадим Эдуардович показал на меня. – Я пока схожу местную симку куплю.

Он пошел куда-то в сторону, а тетка отволокла меня в тень и рассказала про условия аренды. В общем, мы обо всем договорились, и я направился было к Вадиму, чтобы проинформировать об успешной операции, но на месте его не бы-

ло.

– Вы, случайно, не видели, куда эти мои знакомые подевались? – на всякий случай спросил я у тетки.

– Да нафиг они мне нужны!

– Блять!

Я быстро обежал привокзальную площадь. Никого. Судя по всему, родственницы похитили русско-еврейского фашиста Вадима Эдуардовича и увезли в неизвестном направлении, чтобы я своим алкоголизмом не оказывал на него разрушительного воздействия.

Поэтому я взял пива и пошел искать тетку с квартирой. Тетка тоже куда-то пропала, но вместо нее нашелся какой-то чувак с аналогичным предложением. Мы с ним быстро сговорились, и он меня куда-то повел.

Квартира оказалась минутах в десяти пешком от вокзала, на первом этаже, и выглядела стремно: в ней был какой-то бабушкин диван, пара засранных кресел и проходная кухня без холодильника.

– Сезон! – прокомментировал это арендодатель, забрав деньги, и съебался.

«Ну и хуй с вами, Вадим Эдуардович!» – подумал я и пошел гулять.

Большую часть дня я провел шарахаясь по городу, но поскольку похмелялся возле каждого столба, ничего особенного не запомнил. Даже Потемкинская лестница не произвела впечатления – ну лестница, ну большая.

Море и пляж тоже были какие-то беспонтовые.

Да все было какое-то беспонтовое. Одному в Одессе решительно нечего было делать. Если бы этот засранец под влиянием своих галахических матрон не слился с вокзала, я бы хоть примерно ориентировался. А тут ни интернета – ни хера, даже телевизора в бабкиной квартире не было.

С такими мыслями я направлялся к квартире, и как-то сама собой созрела мысль взять перед сном винца. Неподалеку от подъезда я увидел магазин, в который и пошел.

И тут я подряд совершил целых две больших ошибки.

Первая была в том, что меня спяну потянуло на пообщаться. А возле магазина терлась какая-то местная гопота, и мне пришла в голову идиотская идея с ними выпить и поговорить за жизнь, что я и сделал.

Чуваки оказались, в общем-то, нормальными. Мы впятером выжрали мою бутылку, они притащили свою, мы ее выжрали тоже, и тут один из них спрашивает:

– А ты откуда?

– Из Москвы, – сказал я, и это было второй ошибкой.

– Ну привет, ебаный москаль, – сказал вопрошающий и зарядил мне в табло.

Очнулся я где-то посреди гаражей с пустыми карманами и сумкой. Зато на палец мне было нацеплено кольцо, к которому крепился ключ от съемной хаты. Позаботились бандеровцы. Ничего личного, только бизнес.

Кое-как добравшись до дома, я лег спать, а с утра решил чего-нибудь пожрать. Поскольку холодильника не было, а вчера я ел исключительно бухло, жрать хотелось основательно. Поэтому я пошел искать какой-нибудь общепит. Неподалеку нашлась пиццерия, в которой у меня зачем-то потребовали деньги вперед. Я слегка удивился, расплатился, а после завтрака ко мне подошел официант.

– Чего с тобой случилось?

– Да ничего, а что не так?

– Пошли покажу.

Мы дошли до барной стойки, он достал откуда-то из-под нее зеркало и протянул мне.

Из зеркала на меня посмотрела какая-то помесь бомжа и чувака в очках супергероя, типа как у Робина или Комедианта. Образ дополняли залитые кровью склеры, как у Дракулы. Неожиданно стало понятно, почему на улице от меня шарахались, а тут потребовали сразу заплатить.

– Спасибо, понятно. А где у вас тут очки можно купить?

– А вон там рыночек, – официант показал направление.

На рынке я купил за 25 гривен очки на пол-ебала, как у летчиков. Хотя стекла были дерьмовыми и видно в них было плохо, по крайней мере когда я был в них, никто не переходил на другую сторону улицы.

Я купил вина и пошел домой думать.

По размышлению расклад вырисовывался такой:

– Мне дали пиздюлей;

– Знакомых в городе нет;

– Достопримечательностей нет, или они мне неинтересны;

– Телефона нет, на новый нет денег;

– Вернее, есть, но я их лучше пропью, потому что все нужные номера все равно на старом;

– Надо валить домой.

«Стоп, – подумал я. – Что значит валить? Какая разница, где убивать время, раз я уже здесь и квартира оплачена на неделю вперед? И что, меня можно вот так вот просто отпиздить?»

Короче, я решил мстить.

Допив вино, я начал разведку. Магазин, возле которого мне дали по рогам, находился в нескольких сотнях метров от жилья, поэтому я обошел прилегающие несколько кварталов и составил примерное мнение о расположении объектов типа кустов, лавок, подворотен и прочих интересных мест. Заодно я рассчитал три маршрута, по которым можно было бы подходить (или отходить) от магазина в случае чего.

Где-то после обеда, составив в голове общую карту местности, я пошел на пляж, где и провалялся до сумерек в обнимку с очередной бутылкой красного.

Вечером я вернулся к магазину, мои вчерашние знакомые сидели там же. При моем приближении они засмеялись.

– Чего, мало вчера дали? – поинтересовался чувак, которого, кажется, звали Петром.

– Мало, давай еще.

– Совсем ты дурак, – заржал Петр.

– Иди сюда, епта.

Тут я снова понял, что облажался. Пока я тут выебывался, у меня за спиной оказался один из вчерашних чуваков. Вчера их было четверо, сейчас трое, а четвертый подошел со спины.

Очнулся я в тех же гаражах, правда, у меня теперь еще болели ребра и кулаки. Ключ снова был надет на палец.

Утром я снова пошел в пиццерию.

– Добро пожаловать в Одессу, – поприветствовал меня официант, посмотрев на руки. – Зубы хоть целы?

– Целы.

– У нас тут туристам везде рады, ты как каждый день нарываешься?

– Да я примерно в одном месте, там, у продуктового.

– А, Петро. Ну Петро да, ты бы поосторожнее там.

– А ты их знаешь?

– Мы тут все друг друга знаем. Мне тут знакомые рассказывали, что одного москаля придурочного обули, телефон предлагали купить. Я не взял.

– И у кого можно телефон купить?

– А вон там, на рынке, слева от входа с бульвара, через три лотка, ларек Гагика. У Гагика можно телефон купить.

В общем, я снова пошел на рынок. Возле описанной будки сидел какой-то армянин.

– Добрый день, а где можно найти Гагика?

– А чего надо?

– Телефон купить хочу.

– Ну вот выбирай какой хочешь, – он махнул рукой в сторону витрины.

– Мне нужен такой телефон, маленький, типа бабского, раскладушка.

Гагик подозрительно на меня посмотрел.

– У меня таких нет.

– Может, помотришь? Я его позавчера тут неподалеку у продуктового магазина обронил, вдруг нашел кто. В общем-то, я и новый могу, но жалко, там контакты и все такое.

– Ща, – Гагик заполз в ларек, пошуршал там минуты три и вылез с моим телефоном. – Вот, вчера принесли, нашли на улице. У себя держал, думал, вдруг хозяин объявится.

– Сколько?

– 500.

– Гагик, имей совесть. Ты же знаешь, как я его потерял.

– Ладно, давай 300.

Так я нашел телефон. Впрочем, звонить мне все равно было некому, но стало как-то спокойней.

Для начала я принял стратегическое решение не бухать. По дороге до пляжа решение трансформировалось из «не бухать» в «не нажираться». Поэтому я взял литр разливного с твердым намерением растянуть его до вечера. Телефон я занес домой, чтобы не проебать его второй раз, ушел куда-то в относительно пустынное место и сидел по шею в воде, иногда выходя на берег, чтобы поспать. Так прошло несколько часов.

Около пяти пополудни вино кончилось, около шести стало понятно, что надо добавить. Я взял чекушку водки и спрятался в густых кустах неподалеку от продуктового магазина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.